

Н.П. Огарева, Н.В. Станкевича и В.П. Боткина, но и В.Г. Белинского, М.А. Бакунина, В.Ф. Одоевского и окружавших их мыслителей в данном вопросе опора была на идеи Э.Т.А. Гофмана: «... бессознательное – или, лучше сказать, невыразимое словами – познание и постижение тайной музыки природы» [11].

Долгое время данная традиция существовала в русской музыкально-философской мысли. Ее настойчиво разрабатывали В.Ф. Одоевский и Н.А. Мельгунов, Н.А. Полевой и С.Т. Аксаков. И потому музыка в их рассмотрении оставалась то чрезмерно теоретически отвлеченной, то излишне романтически приподнятой (как особый дар небес всему человечеству), то укорененной лишь в природе с ее внутренними закономерностями. В этих суждениях ощущалось давление традиции, эстетического наследия романтизма и

немецкой классической философии. Тем не менее, это была удивительная творческая лаборатория мысли, открывающая и осваивающая вместе с самой музыкой новый художественный мир.

Таким образом, синтез философии и музыки есть одна из форм человеческой духовности – «философо-музыка», первозданность взаимосвязи которых очевидна. Давно и плодотворно на Западе размышляли о «музыкальности» философского языка или же о «философичности» высших образцов классической музыки. Русская мысль, обратившись к данному феномену, искала свой путь осмысления и, надо сказать, не безуспешно. Ее направленность была связана с процессуальностью, которая синтезировала идеи движения философии и музыки навстречу друг другу – через диалог к воплощенному онтологическому акту сотворчества.

Библиографический список

1. Одоевский, В.Ф. Новая русская опера «Иван Сусанин» [Текст] / В.Ф. Одоевский // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду», 1837. – № 5. – С. 127.
2. Одоевский, В.Ф. Дилетанты [Текст] / В.Ф. Одоевский // Санкт-Петербургские ведомости, 31 января, 1839. – С. 177-178.
3. Одоевский, В.Ф. Записки для моего праправнука [Текст] / В.Ф. Одоевский // Отечественные записки, 1843. – № 34. – Отд. 7. – С. 208.
4. Русская мысль о музыкальном фольклоре [Текст]. – М., 1979. – С. 19.
5. Надеждин, Н. Европеизм и народность в отношении к русской словесности [Текст] / Н. Надеждин // Телескоп, 1836. – Ч. 31. Перепеч.: Хрестоматия по истории русской журналистики XIX века. – М., 1969. – С. 96.
6. Кириевский, И. Обзорение современного состояния литературы [Текст] / И. Кириевский // Москвитянин, 1845. – Ч. 1. – № 1. Перепеч.: Кириевский, И. Критика и эстетика. – М., 1979. – С. 372.
7. Кириевский, И. Русские народные песни [Текст]: в 2 ч. / И. Кириевский. – Ч. 1. Русские народные стихи // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М., 1948. – № 9. – С. IX.
8. Захаров, Н. Кое-что по поводу русских песен, собранных и переложенных для пения и фортепиано г. Гурилевым [Текст] // Москвитянин, 1852. – Т. 4. – № 13. – С. 146-147.
9. Григорьев, Ап. Развитие идеи народности в нашей литературе по смерти Пушкина [Текст] / Ап. Григорьев // Собр. соч. Т. 1. – СПб., 1876. – С. 553.
10. Григорьев, Ап. Несколько слов о законах и терминах органической критики [Текст] / Ап. Григорьев // Русское слово, 1859. – № 5. Перепеч.: Григорьев, Ап. Собр. соч. Вып. 2. – СПб., 1914. – С. 122.
11. Гофман, Э.Т.А. Крейсериана. Житейские воззрения кота Мура. Дневники [Текст] / Э.Т.А. Гофман. – М., 1972. – С. 95.

Т.И. Ерохина

ЭЛИТАРНОСТЬ СИМВОЛИЗМА И КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ТВОРЦА

В статье поставлена важнейшая в ситуации рубежа веков проблема самоидентификации личности как творца, как носителя определенных ментальных и эстетических интенций.

ELITISM OF SYMBOLISM AND CULTURAL IDENTITY OF THE CREATOR

In the article is presented the most important problem of person self-identification as a creator as an owner of certain mental and aesthetic intentions.

Формирование культурной идентичности – одна из центральных проблем в контексте элитарного сознания творческой личности, что само по себе становится знаковым явлением. Элитарность символизма, предполагающая избранность, замкнутость и ценностно-смысловую самодостаточность, сознательно ограничивающая круг «высоких» норм, принципов и форм поведения, рассчитанная на уникальность и исключительность, обращается, тем не менее, к проблеме культурной идентичности, ориентированной на следование традициям и образцам, предполагающим общепризнанность и общепринятость, отождествление себя с тем, что уже существовало и существует в культуре.

Вопрос о формировании культурной идентичности в контексте современной социокультурной ситуации, сложившейся в России, остаётся не только актуальным, но и онтологическим. Культурная идентификация как осознанное принятие культурных традиций, норм, ценностей и самоидентификация как основа самоопределения и формирования личности особо значимы в периоды рубежных эпох, которые характеризуются ощущением «переходности» момента, нестабильности, кризиса, сдвигами в сознании и самосознании культуры, народа, общества и лежат в основе процессов социализации и инкультурации личности.

История культуры, включающая в себя этапы рождения, эволюции и кризиса художественных течений и школ, демонстрирует множество примеров возникновения новаторских тенденций как источника либо следствия культурной самоидентификации.

Культурная самоидентификация личности в пространстве и во времени в самом широком смысле слова стала основанием практически всех художественных течений конца XIX – начала XX века. Причём этот процесс был и бурным, и «скромным» по своим проявлениям, нёс в себе зерно как всеобщего отрицания, так и агрессивного самоутверждения.

Самоидентификация, не верифицируемая или признаваемая по умолчанию, в этом качестве играет особую роль в аспекте художественного самосознания творческой личности, поскольку она, с одной стороны, позволяет осмыслить культурную традицию и включённость собственного «я» в культурную целостность; а с другой стороны – способствует дифференциации индивидуального сознания и самосознания, выявлению самобытности и, в итоге, – обретению своего художественного «я».

Для европейского символизма формирование культурной идентичности связано с осмыслением традиций романтизма, которые актуализируются в творчестве Ш. Бодлера. Двойственность, разорванность бытия, чувство избранничества, существование личности на грани «восторга и ужаса» (Ж.П. Сартр) перед жизнью, контрастность поэтики – эти традиционно «романтические» характеристики в контексте реалистической европейской литературы 50-60 гг. XIX века позволяют поэту ощутить себя последователем романтической школы (что выражается и в пристрастии Ш. Бодлера к живописи Делакруа, романтическим, по его мнению, портретам Рембрандта, лирике Э. По, образам Д. Байрона и др.). А поиск «вселенских аналогий» и «соответствий» Ш. Бодлера, дендизм и декадентский сплин прочно и небезосновательно закрепляют за поэтом образ первого символиста (или во всяком случае – предтечи символизма) во французской поэзии.

Что как не культурная самоидентификация относительно равных ему величин воплощена в книге П. Верлена «Проклятые поэты», где портреты Ш. Бодлера и А. Рембо дополняются (во втором издании) очерком о самом себе, «Бедном Лилиане»? «Проклятость» как осознание своего места в литературно-художественном и исторически общественном процессе, как самоощущение «изгнанничества в мир» и невозможности обретения гармонии, наконец, «проклятость» как нежелание обрести «самость», едва ли не капризное нежелание, таким образом, иден-

тифицироваться, поскольку мир и личность, по П. Верлену, постигаются не через рефлексию, а через слияние – все это приводит к импрессионистичности лирики П. Верлена, к сиюминутности образов и суггестивности слова (что также позволило символистам причислить поэта к своим предшественникам).

И напротив – предельная, именно агрессивная самоидентификация А. Рембо, революционность и бунтарство, сознательное уродование, прокажённость как попытка не просто выделить собственное «я», не обременённое никакими культурными или социальными традициями, но и отречься от него, поскольку самость для А. Рембо – личина, тюрьма, от которой необходимо избавиться. «Я – это другой» для поэта – не отказ от самоидентификации, а концепция «ясновидения», поскольку истинное «я» возможно только прозреть, явить подобно миру, который являет человечеству божество-демиург. Озарения А. Рембо в итоге приводят к жизненной трагедии и отказу от творчества, идентификация «я-другой» (как минимум «я-царь», «я-Бог») оборачивается фактически пустотой. Вопрос «Кто я?» остаётся без ответа, поскольку вряд ли можно считать запись в некрологе «...негоциант Рембо» той самой подлинной сущностью «я», к которой стремился поэт.

Творчество С. Малларме вырастает из драмы культурной самоидентификации: «я» аналитика, учёного, филолога, выраженное, по воспоминаниям современников, в сдержанности, безукоризненной вежливости, стремлении придать своему существованию стабильность, упорядоченность приводит к поиску Красоты, Абсолюта, Материи. С. Малларме, учитель английского языка, знаток и ценитель европейской литературы, пытается теоретически осмыслить символистскую поэзию, написать Книгу, которая адекватно отразила бы Вечность, объединить молодых поэтов, которые идентифицируют С. Малларме с Учителем, Пророком, Тайнописцем, а поэтические «вторники» – со школой символизма.

В истории русской культуры вопрос о культурной идентичности творца в контексте по определению элитарного символизма тесно связан с вопросом заимствования и национальной самобытности.

В культурологии уже выработана исследовательская традиция многоаспектного рассмотрения данной проблемы в контексте славянофильства и западничества, «Востока» и «Запада», «своего» и «чужого». Проблема заимствования и самобытности предполагает сопоставление философских систем, ментальных признаков, культуры повседневности, памятников искусства и многих других элементов системы культуры.

Кроме того, история русской культуры даёт возможность говорить о типологическом подходе к этому вопросу. Анализ исторического развития России свидетельствует о существовании определённых периодов культуры, когда заимствования становились неотъемлемой частью русской культуры, порождая динамические процессы и способствующие кардинальным сдвигам в культуре России.

Это был сущностный отклик на длившееся уже на протяжении трёх веков противостояние «чужому», которое было часто разумнее и прекраснее, чем «свое», и утверждение «своего» в противовес «чужому», которое на уровне обыденного сознания идентифицировалось как «чуждое». Рубеж XIX-XX веков не породил, а лишь обострил эту проблему, доведя её, однако, до уровня бытийной, поставив, таким образом, Россию в общий с европейской традицией ряд.

Обращение к вопросу *своего-чужого* применительно к России рубежа веков позволяет актуализировать опыт мыслителей, художников в осознании места России в мировом процессе, выявить как взаимодействие, так и специфический характер русской культуры. Внимание к западной культуре было не только и не столько выражением желания «подражать» или воспользоваться неким образцом художественного творчества, чтобы «не отстать» от мирового процесса, сколько результатом осознания связей, характерных для мировой культуры в целом. Эта интеллектуальная парадигма, безусловно, не была достоянием только русского сознания конца XIX века. И все же в России в этот период, как и в другие рубежные эпохи, особенно остро стояла проблема создания единого культурного пространства, основанного на близости общечеловеческих ценностей, общечеловеческих чаяний, причём пространства, в котором Россия должна занять достойное место на рубеже XIX-XX веков. Отсюда – тяготение

к мировой культуре как возможность поиска устоявшихся традиций, целостности и единства, помогающего оформиться внутреннему стержню, самобытности русской культуры.

Генезис русского символизма во многом определяется парадигмой сформировавшегося европейского символистского течения. Но, словно бы в противовес кажущейся вторичности, рождение русского символизма начинается именно с самоидентификации.

Для Д. Мережковского важным становится определение роли русской литературы в контексте мировой культуры, где важнейшим звеном в цепи вечных ценностей становятся античность, понятие религиозности и мировые символы. Вместе с этим именно контекст русской литературы, обозначенный такими именами, как А. Пушкин, Л. Толстой, Ф. Достоевский создаёт, по мнению Д. Мережковского, оценивающего символизм как объект творения, предпосылки рождения новой Литературы, которая сумеет выразить всечеловеческие устремления, объединив мистическое содержание, символы, существующие в мировой и русской культуре. Культурная идентичность русского символизма, по Д. Мережковскому, формируется именно в процессе осознания своей принадлежности к великой русской литературе, в процессе определения своего места в одном ряду с русскими писателями, которые и являются образцом и ценностно-смысловым ориентиром.

В. Брюсов, продвигаясь в аналогичном направлении, осознаёт себя прежде всего субъектом художественного творчества, обращается к литературной практике. Публикация переводов французских поэтов-символистов, которые и составили основу сборника «Русские символисты», демонстрировала стремление В. Брюсова, если не отождествить, то во всяком случае идентифицировать и заявить о себе и творчестве своих пока ещё немногочисленных единомышленников в контексте европейской символистской школы. Осваивая чужое сознание через конкретные художественные тексты (примером чего становятся осуществленные В. Брюсовым переводы стихотворений Ш. Бодлера и П. Верлена), поэт «примеряет» роль символиста и, как и Д. Мережковский, подчёркивает включённость русской поэзии в контекст европейской литературы.

Воспоминания современников, высказывания критиков зачастую содержат реплики, которые свидетельствуют о буквальном отождествлении русских поэтов с французскими художниками: К. Бальмонт, В. Брюсов обозначены не иначе как русские верлены и бодлеры, декаденты (именно во французском варианте) и т.д. И эти сравнения воспринимались русскими символистами скорее как похвала, а не как обвинение в эпигонстве.

Перед нами не что иное, как создание культурных кодов, позволяющих русским творцам идентифицировать себя как элиту в контексте мировых традиций.

Впрочем, достигнув на определённом этапе желаемой цели – вызвав резонанс и интерес критиков и публики к символистской поэзии – Д. Мережковский и В. Брюсов в дальнейшем будут указывать и на самостоятельность, самобытность русского символистского течения, обнаруживая, помимо ориентации на мировую культуру, самобытность выражения творческих поисков в русском символизме.

Появление символизма в России, на первый взгляд, можно оценить как попытку экстраполировать один из вариантов развития культуры, использовать духовный опыт, накопленный французским искусством к концу XIX века, чтобы преодолеть кризис, сложившийся в русской культуре рубежа веков. Не факт, а смысл заимствований, аналогий, к которым обращаются поэты-символисты в России, в достаточно большей степени отражал именно самосознание русских творцов, становившееся основанием новой, откровенно европоцентристской/русской идентичности.

Но фактом обращения к опыту западно-европейской культуры, который может рассматриваться в аспекте традиции «присвоения» чужого, характерной в целом для русской культуры нового времени, не исчерпывается механизм формирования культурной идентичности, выработанный в русской культуре Серебряного века.

Самоидентификация в аспекте элитарного сознания символистов происходила двоякими путями. Первый – интеллектуальный, аналитический – в форме критики или переводов. Второй – художественно-образный, житнетворческий, где не подражание, но трансформация чужого опыта рождала аналоги с самостоятельной эстетической при-

родой и даже с иными, специфически русскими коннотациями.

И если анализ символистских концепций Д. Мережковского и В. Брюсова демонстрирует механизм «присвоения» чужого опыта на уровне мировоззрения и поэтической практики, то совершенно иную модель заимствования мы обнаруживаем в жизни и творчестве К. Бальмонта и З. Гиппиус.

Жизненный путь и творческие устремления К. Бальмонта изначально были специфичными для России, то есть взыскующими идентификационных усилий.

По семейным преданиям, предками поэта по отцу были шотландские или скандинавские моряки, переселившиеся в Россию. Был род Бальмонтов и во Франции, и в Польше, и в Швеции – достоверных сведений о принадлежности семьи К. Бальмонта к какому-либо из них неизвестно. Род матери, урождённой Лебедевой, происходил из татарского рода Белый Лебедь Золотой Орды, чем объяснялся, по мнению поэта, её темперамент и душевный строй, которые он унаследовал.

Упомянутые биографические сведения представляют не только документальный интерес. Для самого К. Бальмонта – это неотъемлемая часть мифа о поэте, который он создавал сам. История рода для него – предания и легенды, которые невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. А главное, это обоснование исключительности поэта, ибо в нём соединились дух странствий и приключений викингов Балмутов («пленителей морей») и необузданность и страстность золотоордынцев. Этим экзотическим смешением, а главное – желанием ему «соответствовать», отчасти объяснялись эксцентричные поступки К. Бальмонта, «безумства», стремление ко всему необычному и неизведанному, что также становится свидетельством культурной самоидентификации поэта.

Формирование культурной идентичности как ментальная закономерность и самоидентификация поэта приводят к появлению

нового образа творца – поэта-космополита, «самого нерусского из поэтов» (И. Гарин), которого О. Мандельштам называл «иностранным представительство от несуществующей фонетической державы», «переводом без оригинала», а В. Розанов иронично именовал «вешалкой, на которую повешены платья индийские, мексиканские, египетские, русские, испанские».

Для русской культуры конца XIX начала XX века, где основания культурной идентичности обретали характер, далекий от общепринятых (национальных) норм и правил, знаковой личностью была З. Гиппиус.

Находясь в центре внимания публики и художественной элиты, «примеряя» на себя различные роли и маски («декадентская мадонна», «русский Лютер в юбке», Кассандра, Дьяволица), она стала для современников воплощением принципа мифотворчества, личностью эпатажа, игры. Культурная и социальная идентификация З. Гиппиус связаны с гендерным аспектом поставленной проблемы: традиционная трактовка образа женщины-хранительницы дома и отмеченная современниками «мужская» сторона личности З. Гиппиус, проявившаяся и в её пристрастии к псевдонимам (Антон Крайний), и мужской род лирического героя многих произведений поэтессы, и «неженский» рациональный и острый ум.

Изучение элитарных аспектов символизма, выраженных в попытке создать новый тип культуры, воплотить принципы жизнетворчества, переосмыслить и символизировать личность, искусство, свидетельствует, что формирование культурной идентичности – процесс творческий и многоаспектный. Он включает в себя не только стремление соотносить своё «я» с известными отечественными и зарубежными культурными традициями, но и переосмысление этих традиций в контексте ряда проблем, среди которых особое место занимают проблемы идентичности и самоидентификации.

Библиографический список

1. Андреева-Бальмонт, Е. Воспоминания [Текст] / Е. Андреева-Бальмонт. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. – С. 377.
2. Бальмонт, Е. От Шуи до Оксфорда [Текст] / Е. Бальмонт // Встречи с прошлым. Сб. ЦГАЛИ. – М., 1984. – Вып.5. – С. 91-103.
3. Белый, А. На рубеже двух столетий [Текст] / А. Белый. – М.: Художественная литература, 1989. – 652 с.
4. Бердяев, Н. Кризис искусства [Текст] / Н. Бердяев. – М.: СП интерпринт, 1990. – 48 с.

5. Бодлер, Ш. Цветы зла. Стихотворения в прозе. Дневники [Текст] / Ш. Бодлер. – М.: Высшая школа, 1993. – 511 с.
6. Брюсов, В. Дневники. Автобиографическая проза. Письма [Текст] / В. Брюсов. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2002. – 415 с.
7. Верлен, П., Рембо, А., Малларме, С. Стихотворения. Проза [Текст] / П. Верлен, А. Рембо, С. Малларме. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1998. – 736 с.
8. Гарин, И. Пророки и поэты [Текст] / И. Гарин. – Т. 3. – М.: ТЕРРА, 1994. – 744 с.
9. Гарин, И. Серебряный век [Текст] / И. Гарин. – Т. 1. – М.: ТЕРРА, 1999. – С. 481.
10. Гиппиус, З. Живые лица [Текст] / З. Гиппиус. – СПб.: Азбука, 2001. – 304 с.
11. Емельянов, Б., Новиков, А. Русская философия серебряного века [Текст] / Б. Емельянов, А. Новиков. – Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 1995. – 284 с.
12. Злотникова, Т. Человек. Хронотоп. Культура [Текст] / Т. Злотникова. – Ярославль: Александр Рутман, 2003. – 172 с.
13. Косиков, Г. Два пути французского постромантизма: символисты и Лотреамон [Текст] / Г. Косиков // Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдорора. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 512 с.
14. Кривцун, О. Эволюция статуса художника в русской культуре [Текст] / О. Кривцун // Русская художественная культура: контуры духовного опыта. – СПб.: Алетейя, 2004. – 320 с.
15. Лотман, Ю. Семиосфера [Текст] / Ю. Лотман. – СПб.: «Искусство-СПб», 2000. – 704 с.
16. Лотман, Ю. История и типология русской культуры [Текст] / Ю. Лотман. – СПб.: «Искусство-СПб», 2002. – С. 235.
17. Малларме, С. Сочинения в стихах и прозе [Текст] / С. Малларме. – М.: Изд-во «Радуга», 1995. – 568 с.
18. Мережковский, Д. Pro et contra [Текст] / Д. Мережковский. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 450.
19. Мережковский, Д. Эстетика и критика [Текст]: в 2 т. / Д. Мережковский. – М.: Искусство; Харьков: СП «Фолио», 1994. – Т.1. – 672 с.
20. Минувшее. Исторический альманах [Текст]. – М.; СПб., 1912. – С. 278.
21. Михайловский, Н. Русское отражение французского символизма [Текст] / Н. Михайловский // Русское богатство. – 1983. – № 2. – С. 46-68.
22. Мочульский, К. А. Блок. А. Белый. В. Брюсов [Текст] / К. Мочульский. – М.: Изд-во «Республика», 1997. – С. 380.
23. Рембо, А. Озарения [Текст] / А. Рембо. – СПб.: «Искусство-СПб», 1994. – 256 с.
24. Хренов, Н. Социальная психология искусства: переходная эпоха [Текст] / Н. Хренов. – М.: Альфа-М, 2005. – 624 с.
25. Эллис (Кобылинский Л.) Русские символисты [Текст] / Эллис. – Томск: Водолей, 1996. – 288 с.

Т.С. Злотникова

ЛИДЕРСТВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА

Ярославские ученые, работающие на кафедре культурологии и журналистики педагогического университета, завершают работу над новым учебным пособием «Актуальные проблемы социологии культуры». Предназначенное широкому кругу студентов и аспирантов, обучающихся по гуманитарным специальностям (культурологам, журналистам, политологам, социологам, специалистам в области общественных связей и рекламы, историкам), это учебное пособие аккумулирует авторские концепции в области наименее разработанных и при этом значимых социокультурных проблем.

T.S. Zlotnikova

LEADERSHIP AS A SOCIAL-CULTURAL PROBLEM

Yaroslavl scientists, who work at the Department of Culture Science and Journalism of the pedagogical university, are about to finish the work over the new training aid “Actual Problems of Cultural Aspect of Sociology”. It is assigned to the wide range of students, post-graduate students who are trained for humanitarian specialities (culture scientists, journalists, political scientists, sociologists, specialists in the field of public relations and advertisement, historians), this training aid accumulates copyright conceptions in the field of under-worked and very important social-cultural problems.